

ТАК ПОРОЮ ХОЧЕТСЯ
ЗАСМЕЯТЬСЯ. ДО СЛЁЗ.
НЕ ПОЛУЧАЕТСЯ.
ВОКРУГ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО
СЕРЬЁЗНЫЕ ПЕРСОНАЖИ:
БАНКИРЫ, АКАДЕМИКИ,
ПРОДЮСЕРЫ, ПРАВИТЕЛЬСТВО...
КАКИЕ УЖ ТУТ ШУТКИ.
И ЖИЗНЬ ТАКАЯ,
ЧТО ВСЁ МЕНЬШЕ
И МЕНЬШЕ ХОЧЕТСЯ
ПРОСЫПАТЬСЯ ПО УТРАМ.
А ЗАСЫПАТЬ СТРАШНО

Вообще-то Сергей шутить
особо не шутит –
слишком серьёзно
всё происходящее вокруг
и внутри него.
И тем не менее он ВДРУГ
взял да и выпустил смешную
книжицу «Со мной и без меня».
Несколько страничек
«по поводу» он предлагает
читателям «Русской водки».
Сергей награждён не только
вашей улыбкой,
но и орденом Мужества,
орденом Сергея Радонежского,
медалями «За отвагу»,
«За воинскую доблесть»,
«За участие в контртеррористической
операции» и другими наградами.
Пишет хорошие книги
и снимает хорошее кино.
Пьёт водку. Хороший человек.

Сергей Говорухин

УЛЫБАЕТСЯ

Мой мастер во ВГИКе Валентин Иванович Ежов – автор «Белого солнца пустыни» и «Баллады о солдате» работал, как правило, до четырех-пяти утра. Вставал соответственно в два-три часа дня. Человек, неосмотрительно позвонивший в девять утра, имел основания стать его врагом на всю жизнь. В восемьдесят пятом году, во времена антиалкогольных горбачёвских выходов, когда водку стали продавать с двух часов дня, кто-то из моих однокурсников заметил: «Лучше всех Ежову – он всё равно раньше двух не встаёт».

Сергей в гостях у главного редактора

Вадиму Раллеву – подполковнику Департамента по борьбе с терроризмом, увенчанному всеми мыслимыми и немыслимыми орденами Российской Федерации, приходит на пейджер сообщение: «Дорогой Вадим! Поздравляем с днём рождения! Желаем счастья и здоровья!». И подпись: «Голубые».

Шрам на лице Раллева дёрнулся и побагровел. Несложно предположить, какая участь могла бы постигнуть невинный пейджер, передавший столь опрометчивое послание, если бы Раллев не нажал клавишу продолжения сообщения и с облегчением не прочёл конец строки: «береты». «Голубые береты» – ансамбль Воздушно-десантных войск.

Актёр провинциального театра Зуев был склонен к запоям. Серьёзных ролей ему по этой причине не давали, но и немногословные эпизоды Зуев умудрялся довести до состояния полного пьяного абсурда, а то и вовсе сорвать спектакль. Зуева неоднократно вызывали в местном, партком, говорили о несовместимости его морального облика с высоким званием коммуниста, прозили предать товарищескому суду – запои не прекращались. Наконец, у директора театра сдали нервы и, вызвав Зуева в кабинет, он, глядя себе под ноги, вкрадчиво пообещал: – Если ты, конь яблочный, ещё раз сорвёшь спектакль, я тебя вышибу из театра с таким волчьим билетом, что тебя даже в ас-сенизаторы не возьмут...

Поговаривали, что до театра директор руководил культурным сектором одного из отдалённых управлений лагерями. Так это или нет, но после визита к директору Зуев решил завязать. Сразу после Нового года.

В горах Таджикистана встречаются озёра неправдоподобно голубого цвета. Находятся они далеко от линии фронта, а потому поездка на озёра приятна и безопасна. Экипажу вертолета МИ-8 добраться до озёр ещё проще: запустили двигатель, оторвались от земли и через десять минут вы на месте. И, поверьте автору, не мужская это работа: сажать и поднимать вертолет. Мужская работа — летать. Потому-то экипаж МИ-8 взлётом-посадкой себя обременять не стал: летчики поставили вертолет на автопилот, выбросили за борт верёвочную лестницу и по одному спустились в озеро. Люди с высшим техническим образованием, они, естественно, рассчитали всё до мелочей, за исключением одного незначительного обстоятельства: когда экипаж из трёх человек покидает машину, то она становится легче как минимум на двести килограммов. И потому, когда техник-лейтенант последним спрыгнул в озеро, нижняя ступенька лестницы неожиданно взмыла в воздух. Ненамного. Может, на метр. Но этот метр оказался решающим. Дотянуться до лестницы лётчики уже не смогли... Это в песне красиво звучит: «Обнимая небо крепкими руками, лётчик набирает высоту...» Но для этого всё же необходимо обнимать небо, пусть даже образно, а не глубины таджикских озёр. В общем, выплыли они на берег. Голые, беззащитные и ожесточённые. Покорители воздушных широт. Долго и угрюмо ждали, когда у вертолётки кончится запас керосина, и он рухнет в озеро. Дождались. Керосин кончился. Вертолёт рухнул, погружаясь в воду так стремительно и бесповоротно, что уже не оставалось никаких шансов на его вызволение... Ещё двое суток они ждали, когда их начнут искать. Питались кореньями, пили до отвращения голубую воду из озера и наливались тяжёлой ненавистью друг к другу. Штурман рискнул пошутить, вспомнив фильм с одноимённым названием «У озера», но на него посмотрели так выразительно, что он предпочёл замолчать. Отыскали их на четвёртый день. Обезумевших, с горящими глазами, близких к каннибализму... О подъёме вертолётки не могло быть и речи: глубина в озере была ещё та. Ввиду явного идиотизма ситуации дело до военного трибунала доводить не стали — машину списали на боевые потери: мол, «духи» подбили, экипаж чудом уцелел...

Последнее, кстати, было весьма близко к истине.

Мой приятель с загадочной украинской фамилией Вих запил. По утрам предпочитал опохмеляться пивом «Золотая бочка».

Запой длился несколько недель. Я не выдержал и написал:

*В «Золотую бочку»
По утрам бултых -
Иногда о почках
Все же думай, Вих!*

Вих внимательно прочёл четверостишие и перешёл на «Сибирскую корону».

Чего, я спрашивается, добивался?

Сатирики шутят так, что хочется повеситься.

А потом застрелиться. Как это было с Треплёвым в сценической версии Евстигнеева. Знаете, как Евстигнеев спасал финал «Чайки» во МХАТе?

Когда за сценой должен был раздаться выстрел, свидетельствующий о самоубийстве Треплёва, а у пиротехников что-то не сработало. Актёры на сцене нервничают не на шутку, поскольку пьеса на этом заканчивается, и говорить, собственно, больше нечего. А ситуацию с пиротехниками Чехов не предусмотрел. Очень непредусмотрительным драматургом оказался Антон Павлович. Зрители тоже озадачены, так как в общих чертах содержание «Чайки» многим известно.

Трудно, конечно, поверить в то, что раньше читали Чехова, Шекспира, Уильямса... Трудно поверить в то, что раньше вообще читали...

А Евстигнеев в образе Дорна тем временем спасал «Чайку». Встал, побродил по сцене, вышел за кулисы. Вернулся на авансцену, взял под руку актера, играющего Тригорина, и произнёс:

— Уведите куда-нибудь Ирину Николаевну. Дело в том, что Константин Гаврилович повесился...

В этот момент у пиротехников, наконец, сработало, и за кулисами раздался долгожданный выстрел. На что Евстигнеев совершенно невозмутимо добавил:

— И застрелился...

На календаре директорского кабинета было двадцать седьмое декабря. В новогодних утренниках Зуева предусмотрительно не занимали, а первый спектакль приходился на четвертое января. Рассчитав, что за это время он успеет выпить, опохмелиться и кардинально протрезветь, Зуев отчаянно шагнул в бездну гастронома... Очнулся он седьмого января. Умылся и обречённо поплёлся в театр. За расчётом. У доски расписаний курили актёры. — Привет, — поздоровался Зуев, прикуривая сигарету. — Как дела? — Дела как дела, — мрачно отозвался один из актёров, — сейчас бы ороситься после вчерашнего — были бы дела... — Что в театре? — спросил Зуев. — Как прошёл «Ветер революции»?

В его интонациях сквозил сарказм человека, которому нечего терять.

— Нормально прошёл. Как обычно... — отвечают ему.

— Ну и кто, интересно мне знать, играл Дзержинского?

Ирония в голосе Зуева достигла высшей ноты пренебрежения — дело в том, что Дзержинского играл он один. И срочно ввести кого-нибудь на роль не представлялось возможным.

— То есть как это кто? — опешили актёры. — Ты же и играл...

Оказалось, что Зуев явился в театр и сыграл Дзержинского, не приходя в себя... После этой истории потрясённый случившимся Зуев из театра уволился. Окончательно разувверившись в магической силе искусства. Говорили даже, что и пить бросил, неожиданно осознав, что между трезвым и пьяным особой принципиальной разницы нет.

В молодости актриса Елена Цыплакова была до умопомрачения хороша собой. В неё, без преувеличения, была влюблена половина мужского населения Советского Союза. Мой приятель Овчинников был не исключением. Восьмидесятые годы. Овчинников, Ероха и я работаем монтажниками при тресте «Росмясомолремстрой». Название треста внушает мысль о благополучии и достатке. Благополучие исчерпывается служебным обедом за тридцать копеек в день. В обеде преобладают мясные блюда. В нарядах преобладают устойчивые цифры без нулей... К тому времени я учусь на втором курсе сценарного факультета ВГИКа. Правда, заочно и без видимых успехов. И всё-таки моя условная причастность к отечественному кинематографу и неизменно одавливающий тон, которым я могу походя бросить фразу «Да говорил я Сашке Панкратову...», придают мне особую значимость на фоне провинциальной Казани. Лето. На редкость дождливый и холодный июнь. И где-то в конце августа у самой кромки Черного моря маячит очередной отпуск. А между июнем и августом – тысячелетия... Мы с Ерохой едем на работу в переполненном трамвае. Время – семь утра.

– Выпить охота, – неожиданно мрачно говорит Ероха, – хоть удавиться.

И тоска в его голосе так осязаема.

– Ты чего, с бодуна? – спрашиваю.

– Почему с бодуна... – философски говорит Ероха. – Просто наступает в жизни такое время, когда необходимо выпить. У тебя так не бывает, что ли...

– Бывает, – уклончиво отвечаю я.

– Так денег-то один хрен нет...

– Может, занять? – с надеждой спрашивает Ероха.

– У кого? До получки четыре дня...

Ероха подавленно отворачивается. В моем воображении неотвратимо возникает запотевшая бутылка водки. Прекрасная и недостижимая. Выпить охота. Тут Ероха прав. Взгляд цепляется за афишную тумбу. На гастролях в Казани московский драматический театр имени Гоголя... Я ощутимо толкаю Ероху в бок.

– Есть, – говорю, – одна идея...

В обед Ероха подходит к Овчинникову.

– Слышал, театр Гоголя на гастроли приехал?

– Слышал, – вяло реагирует Овчинников. Ему что театр, что амфитеатр.

– Там, кстати, Ленка Цыплакова работает...

– Да ладно свистеть! – плохо скрывая волнение, говорит Овчинников.

– Сегодня к Сереге в гости обещала прийти, – как о чем-то рядовом сообщает Ероха.

– С какой стати? – подозрительно спрашивает Овчинников.

– Ты, Серый, какой-то пенёк, ей Богу! – изумляется Ероха. – Они все-таки в одном институте учились. У нее, кроме Сереги, в Казани и знакомых-то нет...

Цыплакову я тогда видел только на экране. Достоверным во всей этой истории было лишь то, что мы действительно учились в одном институте. Правда, в совершенно разное время.

– **Решили собраться, посидеть.** Хочешь, и ты приходи. Только, – Ероха отчаянно, как сапёр, ступающий на минное поле, сделал шаг вперёд, – у нас с деньгами, сам знаешь... Если соберёшься, прихвати чего-нибудь. Шампанского там для Ленки, ну и водки соответственно – не сидеть же муздаками на сухую...

И Ероха непроизвольно почесал истощённую трезвостью грудь. Это мы – голь перекатная. Овчинников же был человеком семейным. А у семейных всегда деньги имеются. Видимо назначенный от жены червонец даёт им эфемерное ощущение собственной независимости. Вечером сидим, ждём. Придёт – не придёт. Нервничаем не на шутку... В семь вечера является Овчинников. Выбритый, в белой рубашке, с устойчивым запахом парикмахерской на углу Жуковского и Карла Маркса. Мы и узнали-то его не сразу. В руках две бутылки водки, шампанское и букет гвоздик для Цыплаковой. Посидели, потрепались о том, о сём. Разговор явно не клеился. Да и о чём говорить трём до отвращения трезвым мужикам... В восемь я неожиданно «вспоминаю»:

– Совсем забыл, мужики. Ленка только после десяти пойдёт. У нее спектакль сегодня... Может, начнём потихоньку? Чего так сидеть-то...

Стоит ли объяснять, что актриса кино Елена Цыплакова никогда ни в одном театре не работала, а о театре Гоголя, скорее всего, и не слышала. Да и в Казань, по счастью, не заносила её судьба. Мы-то это знали. Овчинников пока нет. Одним словом, допили мы «потихоньку» бутылку, вторую распечатали. Тут Ероха и говорит:

– Слушай, Серый, такое дело: выпить охота до посинения, а денег, ну, ни копейки... Вот и придумали мы эту историю... Не придёт она. Цыплакова, в смысле. Её и в городе-то нет...

– Так! – багровеет Овчинников.

– Да ладно тебе, – говорим, – когда бы ещё собрались...

– Ну!.. – наливается кровью Овчинников. – Козлы!

И уходит. Вернее, удаляется, демонстративно хлопнув дверью. Водку мы, конечно, допили. Ну, и шампанское. Не беречь же для Цыплаковой в самом деле. Недели Овчинников с нами не разговаривал. Потом отошёл.

Много лет спустя я рассказал эту историю Цыплаковой.

– Слушай, я так рада, что мое имя хоть кому-то помогло, – сказала она. – Давай за это выпьем... И мы выпили. Теперь уже не в самом деле.

